

ВАЖНОЕ О ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

ИНТЕРВЬЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО НАУКЕ И ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ С.В. КАБЫШЕВА ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА «ГОСУДАРСТВО И ПРАВО» А.Н. САВЕНКОВУ¹

А.Н. Савенков. В настоящее время в общественных науках, в частности юридических, активно популяризируются и насаждаются такие подходы, которые ориентированы на прикладной характер, пользование знаниями, что соответствует прагматическому настрою в области государственного управления и социальной практики. Вместе с тем решение практических задач с доктринальной точки зрения нередко ложным образом ассоциируется с философским учением прагматизма и его различными интерпретациями, пришедшими в основном из англо-американской философии. Не испытывает ли, на Ваш взгляд, современная наука, образование и государственная практика дефицита фундаментальных идей и хорошо разработанных теорий, объясняющих закономерности современного этапа общественного развития?

С.В. Кабышев. Вполне разделяю Ваши опасения по поводу размывания, фрагментирования и, я бы сказал, истончения фундаментальной

философско-теоретической базы современного российского обществоведения как в целом, так и в части нашей юриспруденции. Скажу больше, ощущаются признаки своеобразной методологической фрустрации, при которой некритически воспринятые ранее зарубежные подходы не срабатывают и даже вредят, но все же сохраняют серьезную инерцию при отсутствии собственных сильных альтернатив, которые пока не проявили себя.

В этом плане нельзя не замечать и тенденцию ухода доктрины в мелкоутилитарную конкретику без должного уровня осмысления общих предпосылок и закономерностей, определяющих практические решения (можно обозначить это в качестве казусной философии). И некое «интеллектуальное парение» на очень большой высоте над национальной почвой, которое становится порой не только беспосадочным, но и, кажется, «беспилотным». И вместе с тем «фасадную изобретательность», когда, в частности, научно-правовой тезаурус расцвечен новеллами, реагирующими на текущую практическую повестку, но не имеющими глубокого обоснования и реальной идейно-содержательной, социальной ценности.

Фундаментальная юриспруденция отстает от веяний и духа времени, изобилует повторениями пройденного и комментаторством, не дает нужного стратегического и прогностического анализа,

¹ Интервью подготовлено в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

который способствовал бы лучшей комплексной оценке рисков и последствий правовых решений. Попытки найти спасение в «передовых» зарубежных моделях, прикрыться мнимым прагматизмом оказываются по большей части бесплодными. Здесь надо подчеркнуть, что истинная прагматика заключается не в том, чтобы поставить право на службу целесообразности, которая нередко носит субъективный характер, а в том, чтобы обеспечить прочную правовую основу для реализации стратегических национальных интересов, осознать и раскрыть право в качестве рационального и в этом смысле наиболее целесообразного нормативного выражения духа, быта и судьбы народа.

Методологическая фрустрация нашей юриспруденции, о которой я веду речь, имеет исторические предпосылки. Ее глубинным источником служат укоренные в некоторой части нашей интеллигенции установки национального самоуничтожения, самоотречения, ввиду которых за благо почитается все западное и там, на Западе, видят подобие райского сада, где процветают цивилизация, прогресс, гуманизм и социальное благополучие. После прекращения советской системы эти установки вошли в мощный резонанс с насаждавшимися чувствами вины и пораженчества, что привело к ослаблению ценностно-мировоззренческих фильтров в российской юриспруденции, которая оказалась под давлением чуждых методологических подходов. Не секрет, что для многих представителей нашей юридической науки такие опорные категории, как например свобода, собственность, конституционализм, да и само понятие права, выступают как уникальное порождение западной социокультуры, как квинтэссенция человеколюбия, не свойственного другим традициям и культурам, а потому имеющего характер эталона, ставящего коллективный Запад в позицию интеллектуального превосходства и нравственного лидерства. В предельных, рафинированных формах это выражается в том, что как таковая западная культура маркируется в качестве культуры правового типа, тогда как, в частности, российская культура причисляется к неправовому, силовому типу, в основе которого лежит подавление личности, насилие. Такое монохромное мировоззрение порождает господствующую методологию рецепции, когда лучшие решения обосновываются уже самим фактом их применения или одобрения в западном праве (причем нередко в субъективном восприятии конкретного ученого в меру его научной добросовестности и пытливости). Национальное же право оказывается неким инструментом перевоспитания русского человека на «цивилизованный» манер. Получается такой «колониализм в головах», который оказывает разрушительное воздействие. И сегодня, когда на общегражданском уровне осознана

необходимость национального духовного, интеллектуального и политико-правового возрождения, когда к общественным наукам обращен социальный запрос, связанный с раскрытием национального достоинства и определением форм достижения национального лидерства, в нашем общественном сознании заметны неуверенность, растерянность, неопределенность.

Между тем успешная реализация национальных целей, да и просто разумная, эффективная организация управления государством невозможны без обстоятельной разработки базовых принципов нашего правопорядка, без формирования системы философско-теоретических основ национального правосознания, которое должно быть преемственным в отношении всех предшествующих исторических эпох российской правовой цивилизации.

Сегодня крайне необходим широкий предметный научный диалог по проблемам развития отечественной фундаментальной юриспруденции, об адекватном российском типе правопонимания и правовой парадигме российской государственности. Необходимо достоверное развернутое и всестороннее обоснование генезиса, системы и форм реализации ценностно-смысловых доминант нашей общественно-государственной жизни, того идейного вектора, который стратегически определяет наше историческое и цивилизационное единство, национальную идентичность и образ будущего.

Вместе с тем, когда мы говорим о дефиците фундаментальной составляющей в российской юриспруденции, важно иметь в виду, что связанные с этим научные задачи не должны сводиться к внутринациональной сфере. Советские общественные науки ориентировались на идею прогрессизма, раскрывали приоритет социалистической модели в глобальном масштабе. Естественно, мы должны выстраивать наше современное обществоведение с позиции национального лидерства, предлагать в том числе юридические идейно-философские и теоретические образы и модели для формирования справедливого мирового порядка.

А. Н. Савенков. На уровне доктринальных актов ЕС и в целом в западной науке, в образовании сегодня активно проводится политика по насаждению таких подходов к пониманию истории, которые как на политическом, так и на научно-образовательном уровне должны способствовать радикальному переустройству всей системы исторических знаний и отношения к ним. Вместо достоверности и правдивости научных исследований и образовательных стандартов внедряется представление о том, что историческая правда должна, по мнению европейских политиков, рассматриваться как ложное требование, а современное отношение к истории, как они полагают, будет

основываться на идее логического признания исторических фактов. Можно ли, на Ваш взгляд, предположить конструктивный диалог с европейскими институтами по линии образования и науки, если они сознательно отказываются от классических стандартов научности в области истории?

С. В. Кабышев. Уверен, что в целом в стратегической перспективе международный диалог, в том числе в его политическом и научно-образовательном измерении, безальтернативен. Единство судьбы человечества является непреложным фактом, и потому важно стремиться в конечном счете к взаимоуважению и взаимопониманию. Только так можно добиться прочного базиса доверия и мирного сосуществования. Но диалог невозможен в отрыве от взаимности, не предполагает иерархии позиций, движимой претензиями на исключительность, может строиться лишь на основе равенства и обоюдного признания тех жизненно важных ценностей, которые определяют национальное достоинство и сформировались в качестве элемента национального культурного достояния, характеризуют социокультурную идентичность народа.

Исторические события — не просто хронологические факты, а объективные проявления жизни народа, в которых он выражает, раскрывает и осознает себя, и которые определяют его становление, уклад, развитие в нем патриотического чувства, объединяющего людей ответственностью перед памятью и подвигами предков и перед будущими поколениями. Историческая правда закладывает основу для национальной гордости, общегосударственного и общегражданского единства, служит нравственным источником неравнодушной жизненной позиции, осознания долга перед Родиной. Как говорил академик Д. С. Лихачёв, «без памяти нет совести. Вот почему так важно воспитываться в моральном климате памяти: памяти семейной, памяти народной, памяти культурной». Эта мысль перекликается с пушкинской: «уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости».

Поэтому вполне естественно, что вопросы истории в ее ценностно-мировоззренческом влиянии на нашу государственность нашли отражение на конституционном уровне. Напомню, что согласно ч. 3 ст. 67¹ Конституции России Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Хочу пояснить суть этих положений.

Речь идет о том, чтобы воспрепятствовать распространению исторически недостоверных сведений, которое осуществляется в целях формирования искаженного восприятия прошлого и оказания влияния на общественное мнение для

дискредитации институтов российской государственности. Обязанность по защите исторической правды конкретизирует фундаментальную идею Конституции, закрепленную в ее Преамбуле, о почитании памяти предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость. Это предполагает, между прочим, что Конституция, отвергая любые проявления социальной вражды, исходит из принципиальной установки на примирение с прошлым, которое в его исторической достоверности должно восприниматься с безусловным уважением. Соответственно, государство, заботясь о воспитании гражданина, должно обеспечивать условия для преподавания единой консолидированной научной позиции по вопросам национального исторического развития, которая позволяла бы гражданину осознать себя в общей и непрерывной судьбе своей страны.

Попытки на Западе ревизовать принцип исторической правды, заменив его постмодернистским плюрализмом истин, которые конкурируют между собой в рамках противоборствующих логических конструкций, имеют политическую подоплеку. Политически нагруженная рациональность сегодняшнего дня обращается в прошлое и формирует его, чтобы оно благоприятствовало амбициям западной экспансии. В этом плане не вызывают сомнений причины, по которым происходит систематическое отрицание подвига советского народа во Второй мировой войне, решающего вклада Советского Союза в разгром фашистской Германии. Дело здесь не только в стремлении максимально ослабить Россию, подорвать идейно-ценностные основы нашего государственного единства, но и в том, чтобы затушевать причины случившейся глобальной катастрофы, той ужасающей степени бесчеловечности, которая зародилась и была явлена в западной цивилизации и была ею терпима.

Сейчас против нашей страны применяются изощренные формы гибридной агрессии, в том числе в интеллектуальной, коммуникационной, культурной сферах. И мы обязаны реагировать соответствующим образом. Нужно выработать правовой механизм выявления и преодоления угроз, связанных с попытками дискредитации и подрыва наших социокультурных устоев, ценностно-мировоззренческих основ нашего правопорядка. Важно при этом обеспечить систематическую работу по защите и отстаиванию исторической правды, включая создание условий для формирования и развития соответствующих профессиональных навыков, а также последовательное разъяснение своей позиции на международном уровне.

А. Н. Савенков. Современное юридическое образование стало значительно меньше внимания уделять историческим дисциплинам. Например, история

политических и правовых учений (в Советской России — история философии права) практически исключена на сегодняшний день из учебных программ подготовки будущих специалистов в области права. Следуя глубокомысленному утверждению Б.Н. Чичерина о том, что история есть не только наставница жизни, но и наставница мысли, не создает ли, на Ваш взгляд, существенное и заметное снижение внимания к историко-правовым дисциплинам опасность утраты современными юристами способности мыслить содержательно в профессии?

С.В. Кабышев. Надо переосмыслить действующую систему исторических курсов в учебной программе по юриспруденции. Она результат наслоения разных подходов со множеством пересечений, дублирования и одновременно лакун.

При ответе на Ваш вопрос будет уместно прежде всего сделать некоторые замечания более общего плана, касающиеся развития нашего юридического образования.

Нужно отметить, что юридическое образование не существует как нечто автономное, не герметизируется в идеальном хрустальном шаре. При всем своем консерватизме, силе традиций и внутренних закономерностей оно неизменно вписано в социальный контекст и отражает реалии господствующих на конкретном этапе представлений о роли права и юристов в обществе, о существе и соотношении тех интересов, которые обеспечиваются юридическими способами.

Традиционным для российской модели подготовки юристов в императорской и Советской России был фундаментальный и мировоззренческий подход, построенный вокруг формирования юридического мышления. Причем, хочу это особо подчеркнуть, речь идет об определенном типе юридического мышления, свойственного национальному праву, которое сложилось в тесной связи с континентальным правом, впитало из него системность, формальную определенность, нормативно-доктринальную обобщенность, ориентацию на приоритет закона, выражающего принципы права. Вместе с тем в отечественном праве активно проявляются духовно-культурные начала, связанные с нравственной детерминацией права и его восприятием в качестве необходимого условия этического прогресса личности, обретения и утверждения правды, нормативного выражения объединенной тысячелетней историей российской государственности. Нужно понимать, что именно особенности юридического мышления оживляют, одухотворяют знания, содержащиеся в правовых источниках, определяют то, каким образом, т.е. в каких целях, на какой идейной основе, будет использован соответствующий юридический инструмент, как будет толковаться право, тем более

в ситуациях неопределенности, коллизионности, пробельности.

В конце прошлого века страна попала в ситуацию некоего безвременья, испытала ценностно-мировоззренческое опустошение, *выпав из исторического процесса* и утратив ясность и твердость ориентиров. В области юридического образования (и не только в нем) это проявилось в возобладавшем рыночно-сервисном подходе, в прагмативизации, а по сути, примитивизации, профессиональной подготовке через концентрацию на знаниях, имеющих сугубо практический и экономический эффект. Произошедшее ослабление роли в юридическом образовании фундаментальных дисциплин и одновременно, об этом также не следует забывать, раскрытия фундаментальных оснований отраслевых дисциплин укладывалось в навязанную нам демагогическую концепцию правовой глобализации, включая представления об упадке государственного суверенитета и стирании различий и унификации правовых систем.

Между тем юрист — нечто большее, чем профессиональный правовой советник, оказывающий консультационные услуги. На нем лежит миссия служения общему благу в своем Отечестве, утверждения путей и средств к его достижению, основанных на законности.

Юридическое образование по своей сути должно быть национальным и патриотическим, обеспечивать подготовку кадров, которые определяют правовую политику своей страны и в ее интересах. Юридическое образование — это, по сути, воспитание правовой совести гражданина на профессиональной основе. Юрист не может быть противопоставлен своему Отечеству, призван воплощать в своем профессиональном деле нравственно-юридические устои народа. В этом и заключается правовой патриотизм, который нельзя отождествлять с политическим конформизмом и угодничеством. Правовой патриотизм — основополагающая конституционная идея. Напомню, что в Преамбуле Конституции РФ такая ценность, как «любовь и уважение к Отечеству», постулируется в смысловом единстве с утверждением ценности «веры в добро и справедливость». Правовой патриотизм, на мой взгляд, состоит в отправлении правового идеала суверенной государственности, чтобы государство, держащее право, служило интересам граждан.

Патриотический национальный базис юридического образования должен закладываться через фундаментальные дисциплины, среди которых история отечественного государства и права занимает особое место.

Освоение государственно-правовой истории позволяет проникнуть в существо традиций, идеалов, ценностей, принципов национальной

правовой системы, уяснить не просто объективные особенности и закономерности становления и развития правовых институтов, но и ту специфическую методологию, которая необходима для их правильного осмысления как элемента российской социокультурной среды.

Прочное уважение к праву нельзя сформировать в отрыве от национального юридического наследия или в противоборстве с ним. Невозможно, пренебрегая своим прошлым, обеспечить идентичность национальной правовой системы. Отчужденность юриста от исторически сложившихся в обществе представлений о равенстве, справедливости, солидарности, долге, семье, государстве и иных важнейших ценностях провоцирует морально-психологический надлом и не позволяет юристу формировать адекватные, востребованные в национальной правовой системе нормы и их интерпретации.

Необходимо кардинально пересмотреть статус фундаментальных дисциплин в юридическом образовании, включая философию права, теорию государства и права, историю политических и правовых учений, историю государства и права России. В частности, выработать единые научно-методические подходы к преподаванию данных курсов, в том числе к используемой при их освоении учебной литературе, обеспечить обязательность изучения соответствующих дисциплин по всем специальностям (направлениям подготовки) юридического профиля.

А.Н. Савенков. На фоне происходящих в современном мире объективных изменений и трансформаций все более актуальной становится повестка формирования такого типа науки и образования, который отвечал бы глобальным и сложным задачам современности, был бы способен качественно и непротиворечиво моделировать образ будущего. Как показывает анализ мирового опыта, развитие наук всегда сопровождалось и обуславливалось ростом национального самосознания, реализацией требований формирования науки, отвечающей на вопросы национального развития. Как представляется, без хорошо разработанной российской историографической модели, в частности, в сфере знаний о праве и государстве, мы оказываемся в ситуации, когда вынуждены двигаться в чужом, проложенном извне фарватере, который совершенно не отвечает национальному характеру и его политико-правовым аспектам. Можно ли, на Ваш взгляд, представить условия качественно нового развития науки и образования без фундаментальной и комплексной разработки вопросов российской историографической модели политико-правовых знаний?

С.В. Кабышев. Вы правы, ставя вопрос, а точнее, по сути, задачу по обоснованию российской историографической модели политико-правовых знаний.

Мы уже ранее затронули с Вами проблему кризисного состояния современного научного правовопонимания, вызванного крушением больших правовых надежд, этической инфляцией и дискредитацией западных правовых ценностей, претендующих на роль универсальных, их фактической подменой партикулярными мотивами целесообразности, которые реализуются при помощи силового давления и все более разнообразных форм проявления агрессии.

Выход из сложившейся ситуации — последовательное отстаивание в научной и учебной юриспруденции методологических основ социокультурной обусловленности права, которое формируется и развивается в определенном историческом контексте. Иными словами, необходимо на базе собственного познавательного, категориального аппарата раскрывать философию национального правового мировоззрения. И это является опорной задачей, вызовом для современной отечественной фундаментальной юриспруденции.

В этом плане не уйти от некоторых неудобных вопросов. В частности, раскрыты ли в нашей юриспруденции надлежащим образом исторические, цивилизационные, культурные факторы российской правовой системы? Освоен ли идейно-философский потенциал российского юридического наследия? Выстроена ли системная работа по обновлению методологии юридического познания с учетом кардинальных перемен в мире и в национальном мировоззрении? В какой мере проводимые в настоящее время исследования в области фундаментальной юриспруденции, включая историко-правовую науку, соотносены с национальными целями развития и государственными приоритетами, удовлетворяют ли планирование таких исследований и фактически полученные результаты критерию востребованности?

Ответы пока едва ли могут быть утешительными. Так, например, в российском правоведении нередко можно встретить позицию, согласно которой российское право лишено собственных корней, носит заимствованный характер. Или что советское право вообще правом не являлось, а было возведенным в закон произволом преступной власти, что советские юристы были лишь идеологическими слугами партии и ничего не дали миру правовой науки. Мы не можем игнорировать эту точку зрения, необходимо найти ответ на нее. Для этого, на мой взгляд, необходимо обратиться к принципу преемственности исторических этапов развития России, который нуждается в обстоятельной научной разработке.

Критики идеи преемственности отождествляют ее с реакционизмом, реставраторством, фетишизацией архаики. Но принцип преемственности

не имеет ничего общего с этими категориями, направлен не на повторение, а на развитие.

Преимственность характеризует прежде всего сложившуюся ценностно-мировоззренческую установку, связанную с пониманием историзма государственно-правового развития, восприятие (самосознание) организованного в государство народа в качестве особого исторического субъекта, вмещающего в себя неразрывное единство сменяющих друг друга, предшествующих и будущих поколений и, соответственно, относящегося к своему прошлому как источнику для обретения, утверждения, сохранения своей идентичности. Уважение к прошлому, его достоверное и плодотворное освоение являются необходимым фактором актуализации в существующих и перспективных реалиях государственно-правовых традиций посредством диалоговых механизмов в политической организации общества.

В конечном счете с позиции преимущественности должна получить развернутое научное обоснование (с точки зрения предпосылок, закономерностей, перспектив) государственно-правовая самость России. Имею в виду такое политико-правовое состояние (режим), при котором политическая организация общества и правовая система служат адекватным и полным выражением воли и интересов многонационального российского народа, существующего в непрерывной исторической сменяемости поколений, и обеспечивают необходимые условия для его гармоничного и прогрессивного развития.

А.Н. Савенков. В области законодательной политики и деятельности важную роль играют вопросы четкого планирования и обоснования законопроектов. Несомненно, в этом деле юридическая наука может и должна выполнять качественно иные задачи, быть эффективным и надежным подспорьем при разработке и проведении важнейших законодательных решений. Как видно из опыта, подчеркивая преимущественность, историчность, сохранение исторической правды, существенные изменения в развитии права (например, изменения, внесенные в Конституцию РФ в 2020 г.) непосредственно связаны с перспективными историографическими контекстами и задачами. Должна ли, на Ваш взгляд, современная юридическая наука усилить внимание к историографическим аспектам идей и положений, лежащих в основе разрабатываемых законодательных проектов?

С.В. Кабышев. Усиление связей между фундаментальной юриспруденцией и законопроектной деятельностью, повышение качества научно-теоретической, концептуальной проработки законодательных инициатив является настоящей необходимостью. Мы находимся в ситуации,

которая требует реализации выверенной правовой стратегии развития законодательства и при этом существенным образом повышает цену последствий возможного совершения ошибок. В этой связи важен тщательный комплексный анализ всех предлагаемых решений, которые, безусловно, должны оцениваться с позиции адекватности нашим политико-правовым, духовно-нравственным, историческим традициям, учитывать накопленный предыдущими поколениями правовой опыт.

В частности, мы должны быть привержены основанному на исторических традициях собственному подходу к пониманию публичной власти и разделения властей. К примеру, как Вы, вероятно, знаете, в определенный период сложилась обширная критика в отношении общего надзора, реализуемого прокуратурой, на том основании, что это не вписывается в международные стандарты. Вместе с тем Конституционный Суд РФ в Постановлении от 17 февраля 2015 г. № 2-П сформулировал позицию, согласно которой федеральный законодатель, определяя компетенцию прокуратуры Российской Федерации, не может не учитывать конституционно-правовую природу этого государственно-властного института, исходя в том числе из исторически сложившегося понимания его роли и предназначения в правовой системе России и ее правовых традиций.

Еще один пример в этой области можно привести в связи с процессом становления в нашей стране нового конституционно-правового института федеральной территории. Анализ научных публикаций, посвященных данному институту, свидетельствует о том, что теория находится в плену схематических абстрактно-умозрительных представлений, оказывается не в состоянии препарировать новое государственно-властное явление, применяя адекватный, в том числе исторически обоснованный, методологический инструментарий. Происходит либо неприятие, отрицание данного института в его формирующихся нормативных характеристиках, либо его научная ревизия, основанная на попытках отождествления свойств федеральной территории с совершенно другими институтами. Игнорируется или же не может быть ухвачен, до конца воспринят тот факт, что федеральная территория выступает особым публично-правовым образованием с собственной конституционной правосубъектностью, в котором реализуется наиболее непосредственно единство публичной власти народа в целях результативного обеспечения общефедеральных интересов.

В парламенте не просто осознается необходимость, но и обеспечивается развитие правовой основы и инструментария для усиления научной,

историко-правовой обоснованности законодательного регулирования.

Так, в соответствии с изменениями, внесенными в декабре 2023 г. в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», были уточнены отдельные принципы государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования. В частности, получил закрепление принцип научной обоснованности развития системы образования Российской Федерации с учетом ее исторического наследия и одновременно с этим конкретизирован принцип гуманистического характера образования путем увязывания идеи гуманизма с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями.

В данном случае мы учитывали, помимо прочего, опыт советского законодательства, которое прямо регулировало вопросы научных основ советского образования. Это было отражено в Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании 1973 г. (п. 10 ст. 4, ст. 12 «Научные основы народного образования в СССР») и в Законе РСФСР 1974 г. «О народном образовании» (п. 10 ст. 4, ст. 17 «Научные

основы народного образования в РСФСР», ст. 18 «Внедрение достижений науки, техники, культуры в работу учебно-воспитательных учреждений»).

Логика законодательства того времени заключалась в том, что Академия педагогических наук СССР рассматривалась как головное научное учреждение, ведущее и координирующее исследование в области педагогической науки и осуществляющее свою деятельность во взаимодействии с Академией наук СССР, другими научными и учебно-воспитательными учреждениями.

И мы исходили из того, что нужно взять лучшее из этого опыта в столь важной, определяющей сфере отношений. Вновь установленные принципиальные положения способствуют тому, чтобы при внесении любой законопроектной инициативы в соответствующей сфере ставить вопрос о ее научной состоятельности, о представлении авторами необходимых научно-экспертных материалов, заключений, в которых содержалась бы оценка исторических предпосылок, прогнозируемых правовых и общественных последствий предлагаемых решений, возможные риски, способы противодействия им.

КАБЫШЕВ Сергей Владимирович

Ученый, российский политический деятель, Председатель Комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию. В 1984 г. окончил Саратовский юридический институт им. Д.И. Курского (ныне — Саратовская государственная юридическая академия). В 1991 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Внутриорганизационные нормы советского права».

После окончания института служил в органах прокуратуры помощником Волгоградского транспортного прокурора, следователем военной прокуратуры Волгоградского гарнизона. В дальнейшем находился на преподавательской работе в г. Волгограде и Москве. С 1998 г. — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). Заслуженный юрист Российской Федерации, государственный советник Российской Федерации 2-го класса.

Награжден государственными и ведомственными наградами: медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» I степени, медаль «За отличную службу по охране общественного порядка», медаль «За безупречную службу», медаль Анатолия Кони.